

- 2 ИЮЛ 1981.

КРЫМСКАЯ ПРАВДА
с. СИМФЕРОПОЛЬ

2207 «ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ...»

Евгений Евтушенко выпустил в свет больше тридцати книг. Стихи его переведены на 60 иностранных языков. Он объездил почти весь мир. В 64 странах, на всех континентах перед многотысячными аудиториями звучал его голос.

Поэт мировой известности, Евтушенко как-то признался, что не очень-то мужская это профессия — водить перышком по бумаге. А в одном из стихотворений писал: «Я хочу всепрофессиональным быть...» С юных лет уезжал он в далекие экспедиции с геологическими партиями, бродил по тайге с ружьем. («Больше люблю держать в руках весло, молоток, лопату, клещи, руль, чем перо»). Он всегда пылливо всматривается в то, как человек делает свою работу, он «применяет» себя к каждому ремеслу.

Однажды Евгений Евтушенко взял в руки фотоаппарат и с тех пор «прикипел» к нему. В разных городах страны, за рубежом проходят персональные фотовыставки его работ, издаются фотоальбомы. («Занятие фотографией дало мне необыкновенно много не только как литератору, но и просто как человеку, думающему о собственном народе, о всем человечестве»).

Снимался Евтушенко и в кино. В фильме «Взлет» он создал сложный образ главного героя — Циолковского. А сейчас занят мыслями о собственной постановке.

О чем будет фильм режиссера Евгения Евтушенко?

— Я хочу рассказать о своем сибирском детстве, о далеком военном времени. Мы, тыловые мальчишки, несли на своих хрупких плечах тяготы войны.

Тема эта была затронута в интересном фильме Николая Губенко «Подранки». Мне бы хотелось восстановить зрительно собственную память. И возможно это только в кино.

— Кино отвлекает вас от поэзии?

— Оно увлекает меня. Я с детства старался быть артистом.

— Сейчас вы пишете сценарий будущей картины. А перед этим работали над первым своим романом — «Ягодные места». Какому жанру отдаете вы предпочтение?

— Известно, что все жанры хороши, кроме скучного. Роман «Ягодные места» представляет собой мозаику — жанровую и тематическую. Действие его перемещается во вре-

мени и пространстве. Тут живут и борются сибирские крестьяне, ленинградские интеллигенты, геологи, космонавты. В книге есть главы о коллективизации 30-х годов, о войне, о дне сегодняшнем. Писал я о Циолковском и об Аленде, о станции Зима, о Чили и берегах Гоголю. Главное в любом художественном произведении не его жанр, а идея, способность охватить события. Сила искусства не в освещении поверхности факта как такового, а в освещении его глубин.

— Значит, вы не осуждаете и мелодраму — гонимый жанр в искусстве?

— Мелодрама может быть низкосортной, но может быть и высокой. Наша жизнь чаще всего бывает мелодраматична. Искусственные попытки избежать мелодраматичности в отражении жизни есть искажение реальности. Мелодрама будет высокой лишь тогда, когда у художника появляется духовная сверхзадача, поднимающая творца над земным притяжением сюжета.

— Как относитесь вы к специализации в литературной и всякой другой профессиональной деятельности? Интересно также узнать, как работаете вы, как строите свой трудовой день?

— Замыкание в своей профессии, когда люди не знают и не хотят знать ничего другого, — опасно социально. Оно ведет к элитарности. Люди начинают бить себя в грудь, утверждая, что на них земля держится. А земля может держаться только на всех нас вместе. Тот писатель, который постоянно думает, что он писатель, обречен на психоло-

гическую ограниченность. Я, как видите, не удовлетворяюсь одной литературой. Теперь о методах творческой работы. Здесь два пути. Один из них — ни дня без строчки. Другой — писать только тогда, когда не можешь не писать. Я придерживаюсь второго пути. Не переношу ежедневного высихивания за столом. Но когда меня переполняют впечатления и не писать уже нельзя, то работаю по 15 часов в сутки два месяца подряд.

— Что бы вы сказали об одержимости в искусстве, творчестве, вообще в жизни?

— Давайте вспомним Циолковского. Великий ученый умел концентрировать свою энергию, подчинять волю главной идее. Конечно, он мог быть «как все». Это одно из самых массовых искушений — быть «как все». Но Циолковский избрал тяжкий удел исканий и борьбы во имя будущего. Его так называемые чудачества есть по сути дела самоотречение. Самоотречение, если оно не самоцель и направлено на благо всех, — это высший идеал свободы. Смело могу сказать, что в мире девяносто процентов людей занимаются делом, к которому они в лучшем случае равнодушны. На этом фоне просто нужно испытывать каждодневное счастье от того, что твоя жизнь сложилась так, что ты занят любимым делом.

— В заключение нашей беседы хотелось бы вернуться к теме о кинематографе — искусстве, где сосредоточилось много разных профессий. Видимо, потому кино столь дорого вам, поэту?

— Кино — не развлечение. Кино — это двусторонний диалог художника и зрителя. Об этом у меня написаны стихи:

Настоящий зритель
понимает
Фильмы, как соавтор —
не судья.

Кожей фильмом
он переснимает,
Чтоб потом крутить
внутри себя.
В жизни честно роль свою
играл,
Жизнь он режиссирует
потом.

Зритель — это серия вторая
Фильма, где-то спрятанного
в нем...

Интервью взял
Б. ВЕЛИЦЫН.
Фото автора.